

И. А. ОССОВЕЦКИЙ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли широкий простор для плодотворной, творческой работы во всех областях науки о языке. Советское языкознание, выведенное из тупика «нового учения», получило возможность не только приступить к разработке тех научных тем, которые были вытеснены бездоказательными домыслами Н. Я. Марра и его последователей, но и заняться творческой работой над новыми проблемами, закономерно вытекающими из гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Особый интерес для советских языковедов приобретает проблема: язык и художественная литература и — другой аспект этой же проблемы — язык и устная народная поэзия.

Отмечая огромное общелингвистическое значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, акад. В. В. Виноградов пишет: «Еще глубже осознана важность всестороннего изучения народного языка, произведений устной словесности, фольклора, в которых содержатся драгоценные средства речевой выразительности, огромные языковые богатства; еще острее осознана потребность и необходимость использования этих словесно-художественных богатств в языке литературных произведений, в печати»¹. Однако в основном изучение языка фольклора до сих пор остается за пределами научных интересов большинства исследователей русского языка.

Нельзя сказать, чтобы данные языка фольклора совсем не привлекались к исследованию при научной разработке тех или иных вопросов русского языка, связанных как с современным его состоянием, так и с его историей, но в большинстве случаев язык фольклора является не прямым объектом исследования, а привлекается лишь в качестве диалектологического материала².

Русские народные говоры уже давно стали предметом серьезного изучения, которое особенно широко развернулось в Советскую эпоху. По народным говорам собран огромный фактический материал, однако и записи и специальные монографии имеют в виду в основном бытовую диалектную речь, а не язык устной поэзии, который почти не привлекал к себе специального внимания ни языковедов, ни фольклористов.

Редким исключением были работы А. А. Потебни, но его интересные и глубокие мысли не получили достаточного развития в позднейших работах по фольклористике.

¹ Акад. В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951, стр. 25.

² См., однако, появившиеся в последние годы исследования А. П. Евгеньевой «О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв.» («Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР» т. VI, 1948); ее же «Язык русской устной поэзии» («Труды...», т. VII, 1949); ее же «Сочетание „жили-были“ в сказочном зачине» («Сборник статей памяти акад. Л. В. Щербь», 1951)

Для плодотворного изучения диалекта в его образно-экспрессивной функции, т. е. для изучения языка устной поэзии, необходимо располагать не только полноценными записями фольклора какой-либо местности (таких записей, опубликованных и неопубликованных, много), но и достаточно полными записями бытовой речи из той же местности. Только при этом условии исследователь получит необходимый для успешной работы материал, потому что специфические черты художественного языка устной поэзии определяются как таковые лишь методом сравнения с языком разговорным. В таком плане исследование языка фольклора почти не велось: проблема специфики языка фольклора в его отношении к языку разговорному не была достаточно четко осознана и сформулирована. Это сказалось и на собирательской практике как фольклористов, так и диалектологов, следствием чего и является относительная бедность материалов того типа, о котором говорилось выше.

Даже те исследователи, которые строили свои работы в основном на фольклорном материале и, казалось бы, должны были учитывать его специфику, не выделяли язык фольклора как особую экспрессивно-эмоциональную форму описываемого ими диалекта. Так, например, из статьи П. Н. Рыбникова «Об особенностях олонедского поднаречия»³, приложенной к его известному собранию, мы узнаем, что в качестве материала он пользовался преимущественно языком разговорным, а не только языком бытовых и былевых песен, однако данные языка этих песен не выделены из общего материала. Только в одном месте, говоря о необычности ударения, появившегося в некоторых словах под влиянием карельского языка, П. Н. Рыбников замечает: «В песнях слова произносятся правильное»⁴.

Аналогичное неразличение фактов языка фольклора и фактов языка разговорного характерно и для заметок Е. В. Барсова о языке причитаний⁵. В этих заметках автор хотел показать специфику языка причитаний как определенного жанра устной поэзии: «Не особенности только местных говоров отражаются в плачах; здесь мы встречаемся со множеством таких имен и глаголов, которые обращают на себя внимание особенностями своего образования: народное творчество не только свободно пользуется готовым запасом оборотов и выражений быденной речи, но, под влиянием известного образа, для точного, единобытного его очертания легко создает новые слова или словам обдержным дает новую форму»⁶.

Однако, правильно указав на специфичность языка причитаний, Е. В. Барсов не смог практически отделить факты языка изучаемого им жанра от фактов языка разговорного; он сильно преувеличил архаичность языка причитаний, считая архаизмом все то, что является таковым с точки зрения литературного языка, а не того диалекта, на котором причитания исполнялись.

Из более поздних работ того же типа отметим исследование Л. Л. Васильева о языке беломорских былин⁷ и В. И. Чернышева о языке печорских былин⁸. Для обеих этих работ материалом послужили записи фольклора; однако ни Л. Л. Васильев, ни В. И. Чернышев не показали того, что характерно именно для языка былин, а не диалекта в целом. Поэтому

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, изд. 2-е, М., 1910, стр. 326—350.

⁴ Там же, стр. 332.

⁵ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, 1872, стр. XXII—XXXIII; ч. II, 1882, стр. 303—314.

⁶ Причитания Северного края..., ч. I, стр. XXIV—XXV.

⁷ Л. Л. Васильев, Язык «Беломорских былин», ИОРЯС, т. VII, кн. 4, 1902, стр. 1—42.

⁸ В. И. Чернышев, Заметка о языке печорских былин, «Печорские былины», записал Н. Ончуков, 1904, стр. XXXVI—XLV.

их работы правильнее было бы назвать описаниями говоров по материалам былин. В этом отношении работа Л. Л. Васильева представляет больший интерес, чем работа В. И. Чернышева; последняя в известной мере носит характер лингвистического указателя к сборнику былин Н. Опчукова⁹.

Л. Л. Васильеву принадлежит еще одна статья, основанная на фольклорном материале¹⁰. Очень ценная в диалектологическом отношении, эта статья тоже ничего не дает для уяснения особенностей песенного языка.

Такая традиция отчасти продолжается и до наших дней. За годы Советской власти широко развернулось собирание фольклора как традиционного, так и советского, собранные материалы изданы в различных сборниках фольклора. Почти все такие сборники снабжены словариками местных слов, а к некоторым приложены описания «языка сказок» или «языка песен», представляющие собой неполный каталог случайно выхваченных диалектных черт.

История изучения устной народной поэзии показывает, что исследования в этой области тоже почти не касались языка фольклора как особой формы общенародного языка. Характерно, что основанная на лингвистическом материале теория болгарского происхождения русского эпоса, выдвинутая в свое время А. А. Шахматовым, до сих пор не получила развернутой критической оценки¹¹.

Изучение фольклора в русской науке шло такими путями, которые исключали возможность изучения его языка как самостоятельной темы. Одни ученые рассматривали фольклор с этнографической точки зрения, данные фольклора трактовались ими как этнографический признак на равных правах с другими: одеждой, жилищем, обрядами и т. д. Другие видели в фольклоре удобную область, где можно было в широких масштабах заниматься сравнением различных «захожих» сюжетов и мотивов. Разъяв живую ткань художественного произведения «на мотивы», эти «ученые» усердно подыскивали им всевозможные параллели в мировом фольклоре, забывая, что художественное произведение не есть механическая сумма сюжетов и мотивов. В подобных работах произведения устной поэзии теряли всякий национальный колорит, все свое своеобразие и распадалось на ряд механически соединенных кусков.

Естественно, что такой метод исследования подвергся суровому осуждению советской общественности как одно из проявлений идеологии космополитизма. Однако вплоть до недавнего времени давали себя знать рецидивы космополитического компаративизма в литературоведении, примененного, в частности, к материалу фольклора тюркских народов Советского Союза¹². Само собой разумеется, что вопрос о языке того или иного произведения фольклора при таком порочном методе не только не ставился, но и не мог быть поставлен, потому что именно в языке с наибольшей силой воплощено то индивидуальное, единичное и вместе с тем национальное, что и составляет главную особенность всякого художественного произведения, в том числе и фольклорного.

⁹ Интересно отметить, что А. В. Марков, составитель сборника «Беломорские былины», послужившего Л. Л. Васильеву материалом для его исследования, пытался в «Словаре местных и старинных слов», приложенном к сборнику, выделить те слова, которые он отметил не только в былинах, но и в обычном разговорном языке.

¹⁰ Л. Л. Васильев, Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре, ИОРЯС, т. IX, кн. I, 1904.

¹¹ Только в последнее время была предпринята интересная попытка пересмотреть этот вопрос на материале неполногласной лексики. См. Н. Н. Алексеев, Неполногласная лексика в былинах, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Псков, 1951.

¹² См. Л. Климович, По поводу одной статьи, «Дружба народов», 1951, № 4.

Некоторые ученые, наоборот, искали источники фольклора в русской исторической действительности, но делали это слишком прямолинейно, наивно-реалистически, не учитывая того, что они имеют дело не с историческими документами, а с художественными произведениями, в которых историческая действительность нашла свое отражение не непосредственно, а в художественно преображенном виде.

Н. Я. Марр и его последователи пытались по-своему поставить вопрос об изучении фольклора. Отвергая все, что было сделано до него, и всячески декларируя свой «качественно новый» подход к фольклорному материалу, Н. Я. Марр создал свою «концепцию» в фольклористике, которая странным и нелепым образом сочетает фантастические построения мифологов с космополитизмом «школы заимствования». В статье «Иштарь» Н. Я. Марр писал: «Первые, общественно слабо организованные люди — гениальные творцы в образах, великие поэты, но совсем неважные эрудиты-ученые. С плодами их творчества человечество не растает в своем новом творчестве: на них, как на сокрытой базе, воздвигает или из них, как из готового материала, лепит новые формы»¹³.

Для Н. Я. Марра важен не сам сюжет, не его оформление средствами языка, а отражение в формировании сюжета выдуманных им стадий мышления. Его интересовала «палеонтология» сюжета, подсказанная «палеонтологией» речи.

Последователи Н. Я. Марра пытались развить эти положения в коллективном исследовании сюжета о Тристане и Изольде¹⁴. Исследуя сюжет методом «палеонтологического анализа», авторы ставили перед собой задачу «проследить весь путь сюжетных трансформаций, отражающих отдельные этапы развития мышления, в зависимости от смены социально-экономических укладов»¹⁵; их интересовало не конкретное произведение само по себе, а процесс «стадиальных» трансформаций сюжета. Одна из статей сборника посвящена поискам «стадиальных эквивалентов» сюжета о Тристане и Изольде в русской сказке, причем «диастиадальное» изучение будто бы дало автору материал для пресловутого «семантического ряда» «вода — рука — женщина». Естественно, что при направленности исследовательского пафоса на отыскивание «стадиальных эквивалентов» сюжета и при полном невнимании к индивидуализации сюжета в конкретно-исторической языковой среде не могло быть и речи об изучении языка фольклора. Роль народного поэта сводилась лишь к механической передаче доисторического поэтического наследства со всей мутью «космического» мышления. Язык фольклора интересовал Н. Я. Марра лишь как некий архив «яфетидизмов», которые исследовались фантастическим методом фантастических четырех элементов. Последователи «нового учения» о языке именно это и ставили в заслугу Н. Я. Марру, выдавая его фантазии за новейшее достижение науки¹⁶.

¹³ Н. Я. Марр, Избр. раб., т. III, стр. 309.

¹⁴ Тристан и Изольда, Труды Института языка и мышления, II, 1932.

¹⁵ Там же, стр. 4. Эта мысль отражена и в характерном подзаголовке: «От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африки».

¹⁶ Так, акад. Н. С. Державин писал: «Его (Н. Я. Марра. — И. О.) классические труды в области палеоэтнографии, палеолингвистики, археологии и фольклора впервые проливают свет на самые сложные и самые важные проблемы нашей науки и помогают их разрешению... Они выводят мысль исследователя из узкого круга замкнутого в себе национальными или хронологическими рамками материала на широкий простор доисторических и древнейших исторических международных культурных связей и взаимоотношений и дают все основания для широких научных обобщений» («Отложения древнеармянских и древнегрузинских сказаний в южнославянском фольклоре», Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз., т. IV, 1945, вып. 2, стр. 92).

*

И. В. Сталин учит, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹⁷. Из этого положения естественно вытекает вывод и о невозможности изучения истории народа без изучения истории его языка. Но полноценную историю языка нельзя построить без охвата всех конкретных форм народного языка и, в частности, без изучения языка художественных произведений на диалектах, условно говоря — «литературной» формы народных говоров.

Касаясь проблемы взаимоотношения общенародного языка и языка художественной литературы, акад. В. В. Виноградов пишет: «Функции языка в художественной литературе расширяются и усложняются. На базе общенародного языка, при помощи его выразительных возможностей, создаются формы художественного изображения, принципы речевого построения образов и характеров, приемы типизации и индивидуализации речи персонажей, осложненные способы ведения диалога, богатая художественная фразеология; целый арсенал изобразительных средств. Приемы и принципы художественного мастерства, образные обобщения передаются по традиции, некоторые из них включаются в общенародный язык. В национальную сокровищницу стилистики и поэтики входят те способы и приемы отражения и воспроизведения действительности в слове, которые исторически обогащаются в процессе развития национальной литературы. В закономерностях развития средств словесно-художественной образности и экспрессии выражается национальная специфика литературы»¹⁸. Все эти положения могут быть отнесены и к языку устного народного творчества как особой области образно-эстетической трансформации общенародного языка.

Проблема изучения языка устной поэзии может быть удовлетворительно решена только в том случае, если будет принято во внимание все многообразие фольклора. Известно, что под этим термином объединяются самые различные и непохожие друг на друга произведения народного творчества, у которых, в сущности, лишь один общий признак — устное бытование. Поэтому вопросы о специфике изучения языка фольклора могут быть сформулированы лишь в общем виде, конкретные же исследования должны идти по линии отдельных жанров.

Все жанры фольклора подразделяются на стихотворные и прозаические, в пределах каждой из этих групп есть свое, более дробное деление: например, былины, лирические песни, частушки и т. д., с одной стороны, и сказки, былички, устные рассказы и т. д. — с другой. Каждый жанр тоже не однороден, а состоит из нескольких видов, имеющих свою систему художественных образов и по-своему, своеобразно использующих выразительные средства общенародного языка. Например, героические былины значительно отличаются от былин новеллистических, песни лирические — от песен обрядовых и т. д. То же и в прозаических жанрах. Например, под термином «сказка» объединяются самые различные рассказы, начиная от сложной фантастической сказки и кончая коротким юмористическим бытовым анекдотом.

В пределах почти каждого жанра можно выделить советский фольклор, который представляет собой качественно новое явление устной народной поэзии; это качественное своеобразие советского фольклора обусловлено его идейным содержанием, которое находит отражение и в языке соответ-

¹⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 22.

¹⁸ Акад. В. В. Виноградов, цит. соч., стр. 27.

ствующего произведения. «Эпос, создаваемый в наше время, так же как и другие виды современной народной поэзии, — пишет А. М. Астахова, — представляет поэтическое творчество нового качества и в идейном и в художественном отношении, однако использующее богатое поэтическое наследие, выработанное многовековой творческой деятельностью народных масс»¹⁹.

Из сказанного следует, что понятие «язык фольклора» весьма неоднородно и многогранно; оно включает в себя далекие друг от друга факты. Если одни жанры, например, былины, представляют собой большие стихотворные произведения с развернутой системой образов и чрезвычайным богатством изобразительных средств, то другие, например, пословицы и поговорки, стоят на грани произведения фольклора и устойчивого фразеологического выражения. Однако все жанры фольклора объединяются тем, что они представляют собой образно-художественный аспект общенародного языка в его устном бытовании. Это дает возможность говорить об общих закономерностях развития языка фольклора.

Настоящая статья построена преимущественно на материале стихотворного фольклора (былин и лирических песен), потому что специфика языка фольклора проявляется в этих жанрах очень отчетливо, чего нельзя сказать о других жанрах. Например, пословицу, а особенно поговорку можно рассматривать как фразеологизмы, свойственные языку вообще, а не только языку художественного произведения. И по условиям своего бытования в языке пословицы и поговорки не похожи на фольклор, они никогда не «исполняются», а существуют в языке и функционируют в нем так же, как и другие фразеологические обороты. Думается, что изучение пословиц и поговорок должно входить составной частью в изучение лексики и фразеологии языка в целом.

Язык фольклора тесно связан с литературным языком, потому что оба они имеют своей базой общенародный язык и оказывают друг на друга сильнейшее влияние. Характер этого взаимного влияния в разные исторические эпохи был неодинаков. В наше время сфера влияния литературного языка на фольклор все больше и больше расширяется. Полноценное изучение истории литературного языка невозможно без изучения языка фольклора. Такое изучение должно охватывать все его структурные элементы. Предстоит изучить закономерности взаимного влияния и обогащения языка фольклора и языка художественной литературы в конкретно-историческом плане. Метод чисто внешних сопоставлений, выискивания фольклорных «цитат» в тексте художественного произведения письменной литературы не может быть эффективным. «Традиционный путь сравнительного изучения литературы письменной и устной — сопоставление сюжетов, мотивов, художественных «приемов», фразеологических сочетаний и даже отдельных слов, — пишет В. П. Адрианова-Перетц. — Это сопоставление часто производится механически, в отрыве от исторической действительности, создавшей памятник, вне связи с общим замыслом, композицией, вне исследования функции каждого из сравниваемых элементов, и вопрос о самой сущности родства литературы и устной поэзии даже не ставится»²⁰.

Соотношение фольклора и письменной литературы было неодинаковым в разные исторические эпохи. Если многие произведения древнерусской

¹⁹ А. М. Астахова, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 6, стр. 539—540.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц, Древнерусская литература и фольклор, «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VII, 1949, стр. 9.

литературы почти целиком строятся на фольклоре, то в позднейшие периоды наблюдается уменьшение влияния фольклора на художественную литературу (и, в соответствии с этим, расхождение языка фольклора с языком письменной литературы), хотя надо отметить, что это влияние никогда не прекращалось.

Язык письменной художественной литературы и фольклора — это образно-эмоциональный язык: и в письменной и в устной литературе средства общенародного языка используются не только в функции коммуникативной, но и в эмоционально-экспрессивной, формируя тот индивидуальный стиль, который характерен для данного писателя или для безымянного произведения устной поэзии. Однако, при сходстве функций, реализация общенародного языка в письменной литературе и в фольклоре различна. Язык писателя представляет собой синтез отобранных языковых средств общенародного языка и черт индивидуального речетворчества, которое осуществляется по действующим моделям языка общенародного; в индивидуальном речетворчестве писатель реализует потенциальные возможности языка. Соотношение этих двух сторон в языке писателя бывает разное, причем наличие первой обязательно, а вторая может отсутствовать. В языке фольклора преобладают выразительные средства общенародного языка, уже существующие в языке, но не как факты повседневной речи, а как факты языка эмоционального. Доля индивидуального речетворчества в фольклоре незначительна, хотя бы потому, что художественное творчество в фольклоре состоит прежде всего из коллективного, а потом уже из индивидуального. Но преобладание коллективного над трудно поддающимся учету индивидуальным, отсутствие фиксированного авторства в фольклоре — это скорее внешнее отличие его от письменной литературы, чем отличие по существу. Бóльшее значение имеет то, что автор произведения устной поэзии, реализуя в языке свой творческий замысел, в первую очередь широко пользуется богатейшим фондом выразительных средств языка устной поэзии, выбирая то, что наиболее соответствует в данный момент его творческому настроению. Индивидуальный отбор выразительных средств языка почти всецело подчинен традиции и зависит от выбранного жанра. Такое творчество выливается в создание нового варианта, в котором сходства с другими вариантами больше, чем различия. В фольклоре в гораздо большей степени, чем в художественной литературе, индивидуализация идет по линии жанра: художественные стили разных жанров резко различны, но в пределах жанра, сопоставляя варианты одинаковой сохранности и одинаковой художественной ценности, трудно заметить, какими выразительными средствами языка один вариант отличается от другого. Индивидуальному речетворчеству, а также индивидуальному отбору эмоционально-экспрессивных средств языка в фольклоре отведена подчиненная роль, хотя возможно, что категоричность подобного утверждения относительна, так как индивидуальные стили сказителей и певцов почти не изучены²¹. Во всяком случае, в фольклоре, особенно стихотворном, встречаются такие факты, которые поражают своей единичностью (например, суффиксные образования имен), но решить, представляют ли они собой результат индивидуального речетворчества или принадлежат к языковым особенностям жанра в целом, пока не представляется возможным.

²¹ Уже П. Н. Рыбников обратил внимание на индивидуальные особенности исполнения былин, а также на некоторые слова и обороты речи, свойственные тому или иному сказителю (см. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, изд. 2-е, 1909, стр. XCIV—XCVI). Об индивидуальном стиле исполнения былин одного из крупнейших сказителей (В. Щеголенка) см. статью Н. В. Васильева «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах» (ИОРЯС, т. XII, кн. 2-я, 1907, стр. 170—196).

Различие в творческом выборе средств общенародного языка для лепки художественного образа и для всей ткани художественного произведения в литературе письменной и в литературе устной в целом коренится в совершенно различном соотношении общенародного и индивидуального, личного и традиционного в этих двух видах творчества.

Язык фольклора в значительной степени традиционен и в силу этой традиционности сохраняет в себе много такого, что уже вышло из употребления в языке разговорном, стало архаизмом, но, продолжая жить в составе того или иного произведения устной поэзии, переходит в разряд специфических выразительных средств языка: выход в язык разговорный такому архаизму уже закрыт. Пережиточные факты общенародного языка удерживаются и продолжают жить в фольклоре, однако функция их уже не только коммуникативная, но и коммуникативно-экспрессивная.

Правда, тот или иной писатель тоже может обратиться к истории языка и выбрать из его архивного фонда нужные ему языковые средства (преимущественно лексические и синтаксические) для воссоздания исторического колорита. Но отличие такого употребления архаизмов в широком смысле состоит в том, что в художественной литературе это явление единичное, подсказанное индивидуальным творческим замыслом. У писателя такое употребление архаизмов не есть непосредственное продолжение языковой традиции: он как бы оставляет современную ему языковую практику и обращается к ее истории; степень соответствия историческому прошлому языка зависит в равной мере от таланта писателя и от его знания исторического прошлого языка своего народа. Поэтому нередки случаи, когда старинная речь, воспроизводимая в художественном произведении, далеко не соответствует реальному языку, зафиксированному в памятниках письменности той же исторической эпохи.

В фольклоре такого положения быть не может. Архаизм, вышедший из употребления в разговорной речи, переходит в разряд художественных средств, начинает жить другой жизнью и как художественное средство является уже не архаизмом, а действующей нормой. Его употребление контролируется всей художественной языковой практикой фольклора²². Писатель, реализуя свой художественный замысел, может выходить (и часто выходит) за пределы литературного языка. Поэт народный (носитель фольклора) не выходит за пределы языковых норм фольклора, но зато он широко пользуется всем богатством средств традиционной поэтики. Эта поэтика высокого стиля по преимуществу, поэтому каждое произведение фольклора «выше» по языку, чем обычная разговорная речь.

Что же формирует высокий стиль многих произведений устной народной поэзии, какова материальная, языковая основа этого высокого стиля? Какие специфические языковые средства общенародного языка сформировали стиль героической былины, фантастической сказки, лирической песни, причети и т. д.? Эта проблема, имеющая большое значение для уяснения специфики языка фольклора, не только не поставлена, но и не выделена из более общей проблемы отношения языка фольклора к языку разговорно-бытовому.

Конечно, все разновидности художественного языка имеют своей основой один и тот же общенародный язык, однако соотношение разных элементов общенародного языка в этих разновидностях неодинаково. Именно это различие в подборе выразительных средств языка и создает индивидуализированный облик каждого жанра и отдельного произведения в пределах жанра.

²² Разумеется, речь идет о хороших вариантах хороших исполнителей. В противном случае все закономерности оказываются сбитыми.

Высокий стиль фольклора шире по охвату, чем разговорно-бытовая диалектная речь, лексика этого стиля богаче, синтаксис сложнее. Возникает вопрос, откуда же исполнители произведений фольклора берут «строительный материал» для высокого стиля, если они владеют лишь своим диалектом, на котором нет ни письменной, ни научной литературы и т. д.? При решении этого вопроса надо исходить не из современных условий бытования традиционного фольклора, а обратиться к эпохе возникновения и становления того или иного жанра и выяснить условия его бытования. Наиболее полный материал дает здесь язык былин.

Героический эпос складывался в то время, когда устный общенародный язык, которым народный певец пользовался как материалом для своего творчества, имел гораздо более широкую сферу бытования, чем любой из современных диалектов. Это был язык высокой культуры, о реальности которого с несомненностью свидетельствуют факты истории русской литературы. Вот что пишет по этому поводу Д. С. Лихачев: «Необычайно быстрый рост русской литературы XI—XII вв. находится, прежде всего, в связи с тем высоким уровнем русского устного языка, на котором застает его появление и широкое распространение русской письменности. Русский язык оказался способным выразить все тонкости отвлеченной богословской мысли, воплотить в себе изощренное ораторское искусство церковных проповедников, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, воспринять в переводах лучшие произведения общеевропейской средневековой литературы. И это произошло потому, что созданию письменного литературного языка предшествовал устный литературный язык, язык „устной литературы“, содержание которой не покрывалось одним только фольклором.

В основе большинства лучших произведений русской литературы XI—XII вв. лежат произведения литературы устной... Следы высокой культуры именно устной речи явственно ощутимы и в «Слове о полку Игореве»... Почти всякое известие летописи, прежде чем быть записанным летописцем, было им услышано, отложилось в устной речи прежде, чем в письменной»²³. Вот этот-то высокоразвитый устный язык старшей поры и есть основа высокого стиля многих жанров фольклора, в первую очередь—героического эпоса. Язык этот был гораздо богаче любого диалекта, он был общенародным. Особенности языка былин, отличающие его от разговорной диалектной речи и имеющие характер архаизмов, не были таковыми в эпоху их создания. Но они не были также свойственны и разговорному языку. Это были факты общенародного устного языка художественного творчества, его выразительные средства.

Устная эпическая традиция во многом сохранила и донесла до наших дней этот высокоразвитый устный общенародный язык. Однако данные языка былин нельзя приравнять к данным языка памятников письменности. Ведь подавляющее большинство былин (а также песен, сказок и других жанров фольклора) записано не ранее второй половины XIX в. из уст сказителей, певцов и сказочников, владевших только своим говором.

Поэтому в традиционном фольклоре, наряду с архаизмами, представлен (и в гораздо большем объеме) и говор исполнителя, не испытывавшего влияния регламентирующих норм литературного языка. Если древнерусский язык и представлен как-то в фольклоре, особенно в былинах, то лишь фрагментарно, на широком фоне современного языка, и выделять эти фрагменты надо очень осторожно.

²³ Д. С. Лихачев, «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк), II, Приложения, 1950, стр. 29—30.

Можно сказать, что по своему содержанию, в отношении системы художественных образов, былины даже более архаичны, чем по языку. Ср. еще более архаичные по содержанию волшебные сказки в передаче современных сказочников.

Ни один жанр фольклора не представляет собой чего-то застывшего как в отношении системы художественных образов, так и в отношении языка. Однако проследить эту исторически обусловленную эволюцию фольклора в отношении языка очень трудно, в первую очередь из-за отсутствия достаточного материала. Например, о широком бытовании фольклора в древней Руси можно судить лишь по тем включениям фольклора в древнерусскую литературу, которые определяются путем литературоведческого анализа. Записи же фольклора как такового — сравнительно недавнего происхождения. Например, самые ранние записи былин датируются XVII в., причем количество записанных текстов невелико (всего пять), так что материала для сопоставления с позднейшими записями для выяснения проблемы эволюции этого жанра очень немного. Тем не менее даже такой небольшой материал позволяет сделать определенные выводы о своеобразии языка былин именно XVII в., об ином соотношении языка фольклора и языка советских памятников, чем в более позднее время ²⁴.

В ходе исторического развития многие факты общенародного устного языка перестали употребляться в разговорной речи крестьянина-сказителя и стали характерными только для былин, для их высокого стиля. Многие забылось, но то, что сохранилось в памяти, передавалось по традиции и превратилось впоследствии в архаизм с ярко выраженной стилистической окраской. В первую очередь это относится к лексике былин, которая выходит далеко за пределы лексики местного диалекта. Сюда относятся географические названия, названия деталей быта, пейзажа и т. д. В былинах встречаются и такие слова, значения которых сказитель совсем не понимает, но продолжает употреблять, потому что «так поется».

После появления письменности книжная литература тоже стала оказывать влияние на язык фольклора. Повидимому, этому влиянию былины обязаны целым рядом языковых особенностей несомненно книжного происхождения, например, неполногласной лексикой, занимающей значительное место в былинах ²⁵; изучение этой лексики в составе языка фольклора может много дать для решения более общей проблемы о церковнославянских заимствованиях в русском языке в целом.

Не следует, однако, думать, что высокий стиль формируется и определяется только теми языковыми средствами, которые получены от далекого прошлого по наследству и составляют, так сказать, традиционный фонд художественных средств фольклора. Такие художественные средства — только одна из особенностей языка фольклора. Многовековое бытование произведений народной поэзии в устной передаче способствовало непрерывному творческому созиданию новых выразительных средств языка, которые на протяжении веков подвергались отбору, шлифовались и доводились до высокой степени совершенства. Но эти новообразования не попадали в разговорный язык, сохраняя колорит высокого стиля. Повидимому, так создавался художественный язык таких жанров, как лирическая песня, причет и некоторые другие.

²⁴ См. А. П. Евгеньева, Язык былин в записях XVII века, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. III, 1944, вып. 4, стр. 165—176.

²⁵ Ср., однако, мнение Н. Н. Алексеева об исконно русском характере значительного слоя неполногласной лексики (цит. соч., стр. 3—4).

*

Приведем некоторые иллюстрации к высказанным положениям о специфичности фольклорного языка как языка художественного произведения.

Одна из особенностей синтаксиса народной песни — это так называемый паратактический строй речи, при котором отношения, связи между словами не выражены управлением, падежными формами, а лишь слегка намечены порядком слов²⁶. Паратаксис известен и в разговорном стиле как в диалектах, так и в литературном языке, но почти не встречается в «высоком» стиле последнего. В языке же былин и песен, представляющем собой «высокий» стиль диалекта, паратаксис — обычное явление.

Как во садичке, садичке,
Во зеленом виноградничке,
На ракитовом на кустичке
На малиновом на прутичке
Не соловушко песенки поет,
Холостой парень насвистывает²⁷.

Растопися, банюшка,
Разгорися, каменка,
Рассыпся, крупен жемчуг,
По дубовому столику,
По серебряну блюдечку²⁸.

Ен сел, упал на широкий двор...
На растворчита ажошачка,
На сиребрину причалинку²⁹.

Тот же прием встречается и в былинах. Например:

Пошли ко Васке на широкий двор
К тому чану зелену вину³⁰.

Грамматическая равновеликость слов при паратактическом строе влечет за собой их «подравнивание» и в отношении эмоциональности. Отсюда и большое количество суффиксов субъективной оценки, одинаково эмоционально окрашенных в соединенных паратактически членах предложения.

В приведенных примерах, типичных для языка былин и лирических песен, паратактические конструкции преобладают, тогда как в бытовой диалектной речи их удельный вес невелик.

В народной песне часто встречается связанный с паратактическим строем речи прием выражения общего понятия путем перечисления частных, в него входящих. При этих обобщениях частное понятие применяется как условное обозначение общего. Поэтому лексическое значение слова, обозначающего такое частное, уже не играет основной роли, оно имеет подчиненный характер. Если для обозначения общего употребляется два или несколько частных, то их лексическая «облегченность» способствует тому, что либо их признаки могут переходить от одного к другому, либо при повторении одно безразлично заменяется другим. Отсюда вытекают

²⁶ См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 209. Приведа пример (из санскрита) паратактического строя речи: «раздавлены ногами словами», А. А. Потебня пишет: «Раздавлены ногами словами» не бессмысленно: действительно «слонами» (т. е. их) «ногами». Только здесь отношение между двумя вещами никак не выражено, и они изображены, так сказать, на одной плоскости, без перспективы. И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько эти паратактические обороты по типу древнее таких, конечно, тоже восходящих в глубокую древность, но более согласных с нашей привычкой к объединению мыслей, как «ногами слонов».

²⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, вып. I, 1911, № 476.

²⁸ Там же, № 517.

²⁹ Курский сборник, Материалы по этнографии Курской губернии, Курск, 1902, ч. I, № 30.

³⁰ Сборник Кирши Данилова, Спб., 1901, стр. 32.

те кажущиеся, с точки зрения разговорного языка, противоречия в определениях и несовместимость частных, которые так обычны для языка песенного фольклора. В этих случаях также наблюдается одинаковость форм слов, обозначающих частные понятия: если слово, называющее общее понятие, окрашено определенной эмоцией, то соответствующие суффиксы появляются во всех словах, обозначающих частные понятия:

Уж ты ель моя, *елушка*,
Зеленая *сосенушка*³¹.

Соловей мой, *соловеюшко*,
Соловей мой *молоденький*,
Отлетная *пташечка*, *рябая кукушечка*³².

На тэй на сасёнушки
Сёкал гняздó сывивáл
Сы мálыми дётками
З бéлами галубятками³³.

Как ва ельничку, у сасельничку,
Да ва густиньким бирезничку...
Да нямношка мне волж ня съел,
Да вядьмедюшка ня рóзарвал³⁴.

Аналогичное явление наблюдается и в эпитетах:

Уж вы кудри, вы кудри мои,
Золоты кудри, *серебряные*,
Через волос *позолочены*!³⁵

По мосту мосту, по *калинному*,
По *калинному* мосточку, по *малинному*³⁶.

Только побледнением лексического значения слова в составе паратактической конструкции можно объяснить то, что ель одновременно называется сосной, соловей — кукушкой и т. д.

Одним из основных композиционных приемов построения лирической песни является прием ступенчатого сужения образов, описанный Б. М. Соколовым³⁷. По всей вероятности, генетически это не художественный прием, а просто описание места действия, но описание такое, где члены предложения соединены между собой паратактически:

На Дóнику, на Даночьку,
На крутинькам би́ряжбóчку,
На жолтинькам на пясочку,
На ра́кйтавам на ку́стбóчку
Салавей гняздо сывивáя³⁸.

Синтаксическое явление, лежащее в основе ступенчатого сужения образов, первоначально вовсе было лишено эстетической функции, однако с течением времени, прочно ассоциировавшись с песней, это явление перешло в разряд художественных средств языка.

³¹ П. В. Шейн, Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1—2, 1898—1900, № 1953.

³² А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. III, 1897, № 142.

³³ М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губернии, «Сборник ОРЯС», т. 76, Спб., 1904, № 294.

³⁴ Курский сборник..., ч. I, № 26.

³⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским..., вып. I, № 15.

³⁶ П. В. Шейн, цит. соч., № 784.

³⁷ Б. М. Соколов, Эскурсы в область поэтики русского фольклора, «Художественный фольклор», 1926, вып. 1.

³⁸ М. Г. Халанский, цит. соч., № 47.

В песенном фольклоре встречаются и синтаксические архаизмы, сохранившиеся в песенном языке лишь в силу поэтической традиции и воспринимаемые как традиционные компоненты стиля песни, как одно из ее художественных средств. Иногда такие синтаксические архаизмы входят в фразеологические обороты и выступают как определенные словесные формулы с яркой стилистической окраской. В качестве примера можно указать на своеобразную предикативную функцию деепричастий в языке былин, в составе оборотов, употребляемых обычно при описании быстрого отъезда богатыря:

Только видели Чурилушку *сидючи*,
Не видали дородного *едучи*,
Как стрелу его *катючи*...³⁹

Они видели-то добрых молодцов на добрых коней *сежсаючись*,
А не видели ихной поездки богатырьской *поежсаючись*...⁴⁰

Тольки видели-то добра молодца *сряжсаючись*...⁴¹

Территориальные диалекты не существуют изолированно, они соприкасаются друг с другом. Междиалектные связи приводят к тому, что в фольклоре вырабатываются такие языковые образования, которые выходят за пределы бытования данного диалекта: создаются произведения, язык которых нельзя ограничить узкими рамками одного диалекта. Таков, например, язык многих лирических песен, ее лучших «классических» образцов, территория бытования которых совпадает с территорией распространения русского языка. Невозможно предположить междиалектную «миграцию» многих лирических песен. Широкая область их бытования, специфика их художественной формы указывают, что язык этих песен — явление общенародное, а не только диалектное. Любопытно при этом отметить, что «выход» за пределы диалекта сказывается не в фонетике, которая в каждом варианте строго соответствует нормам местного диалекта, а главным образом в лексике. Что же касается синтаксиса, то он почти одинаков в разном диалектных вариантах фольклорных произведений; это отчасти обусловлено тесной связью синтаксиса стихотворных жанров фольклора с их композицией⁴².

³⁹ О. Х. Агренева-Славянская, Описание русской крестьянской свадьбы, ч. III, 1889 (цитируется по сборнику «Былины» под ред. Н. П. Андреева, 1938, стр. 356—357).

⁴⁰ Беломорские былины, записанные А. Марковым, 1901, стр. 380.

⁴¹ Там же, стр. 103.

⁴² Связь синтаксиса песни с ее композицией может быть проиллюстрирована на следующем примере. Многие лирические песни построены по композиционному принципу образного параллелизма, который выражается в том, что внутренний мир персонажей песни проецируется во вне, сопоставляется с явлениями природы: например, березка клонится — девушка плачет и т. д. Связь между душевными переживаниями персонажей песни и явлениями природы очень тесная, и это показано синтаксическими средствами. Возникает синтаксический параллелизм, являющийся языковой реализацией параллелизма образного:

Как на синем было да на море,
На горячем да белом камушке,
Тут сидела бела лебедушка,
Добро жалобно она клыкала.
Ко белу камню да припадаючи,
Ко синю морю да причитаючи.

.....
Во высоком да новом тереме,
За столами да за дубовыми,
За скатертями да все за браными,
Что за яствами да за сахарными (нонец сносны см. стр. 106).

Нельзя, однако, думать, что язык некоторых жанров, имеющих всеобщее распространение, вовсе лишен диалектных черт или что эти черты свойственны ему лишь в минимальной степени. Нужно иметь в виду, что каждое произведение фольклора исполняется на том диалекте, которым владеет исполнитель, но с большими «выходами» за пределы этого диалекта. Существуют и другие факторы, которые следует иметь в виду при изучении языка народной поэзии. На язык произведения фольклора, в частности, былины, могут оказывать влияние не только личные вкусы сказителя, но и принадлежность его к определенной школе или к определенной областной эпической традиции. Об этом влиянии пока можно говорить лишь предположительно и в самом общем плане, но все же вопрос этот своевременен, поскольку изучение областных эпических традиций уже принесло свои плоды⁴³. Однако творческая индивидуальность исполнителя фольклора (даже самого талантливого) играет гораздо меньшую роль в формировании языка традиционного фольклора, чем творческая индивидуальность писателя в формировании языка художественного произведения.

Выше были сделаны некоторые замечания о лексике и синтаксисе песенного языка. Свои особенности имеют также фонетика и морфология песен, хотя и в значительно меньшей степени.

В одной из своих заметок по истории русского языка акад. А. И. Соболевский указывает на случаи употребления «неорганического йота» в языке песен (*на юлицы, за юбранным сталом, развадитя ягонь* и др.)⁴⁴. Его материалы были пополнены Н. Дурново⁴⁵, который отметил «паразитное j» почти исключительно в языке песен и объяснил его появление стремлением избежать зияния, которое при пении чувствуется сильнее⁴⁶. Это явление хорошо известно и языку былины⁴⁷.

Мысль о том, что фонетика разговорной речи отличается от фонетики песенного языка, лежит в основе современных требований изучать говоры по записям речи разговорной, а не песенной, и строго разграничивать факты языка разговорного и факты языка песенного⁴⁸. Эта мысль все чаще и чаще подчеркивается современными диалектологами⁴⁹.

Тут сидела да красна девица
Свет су Марья да су Васильевна,
Ко столам она припадаючи,
Ко отцу она да причитаючи

(Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, № 68).

Такое синтаксическое построение песни придает ей особую композиционную прозрачность и простоту. Синтаксический параллелизм, не являющийся архаизмом, создает особый колорит, особую организацию языка, не свойственную обычной речи и воспринимаемую как художественный прием, типичный для языка песенного фольклора.

⁴³ См. А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, гл. VII, стр. 333—369.

⁴⁴ А. И. Соболевский, Из истории русского языка, I, ЖМНП, 1901, октябрь, стр. 396—399.

⁴⁵ Н. Дурново, Паразитное j в великорусском наречии («Мелкие заметки по русскому языку», ЖМНП., 1902, № 6, отд. 2, стр. 257—260).

⁴⁶ См. там же, стр. 259.

⁴⁷ См. В. И. Чернышев, Заметки о языке печорских былин, стр. XLI.

⁴⁸ Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка, изд. МГУ, 1946, стр. 59.

⁴⁹ Ср. замечания В. Н. Сидорова (Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры», «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, 1949): «Язык песни, представляя собой по сравнению с разговорной речью иной языковой „стиль“, осуществляет систему произношения, несколько отличную от фонетической системы разговорного языка» (стр. 94). Ср. также А. М. Селищев (Заметки по великорусской диалектологии, «Slavia», Ročník VI, Sešit 2 a 3, 1927, стр. 458): «...язык песни невозможно во всех явлениях отождествлять с языком обиходным:

В некоторых случаях при пении могут обнаружиться такие фонетические черты, которые уже исчезли в обычной речи. Так, в одном говоре мне приходилось наблюдать, как при пении частушек певички изредка цокали, тогда как в говоре этого села цоканье уже не наблюдалось. В другом селе при записи песен новой формации, попавших в репертуар певички, видимо, из песенников, удалось установить отсутствие некоторых фонетических черт, свойственных «разговорному стилю» этой же певички.

Однако фонетических расхождений между разговорным языком и языком песен все же немного. Фонетика любого фольклорного произведения, за исключением указанных выше особенностей и, вероятно, некоторых других, еще не отмеченных наблюдателями, обычно совпадает с фонетической системой говора. Фонетические отличия языка фольклора не окрашены стилистически, эти особенности никак не формируют язык фольклора как таковой. Фонетика в целом находится за пределами стилистических категорий языка фольклора. Особенности «песенной» фонетики, о которых говорилось выше, не представляют собой реализации какого-то художественного задания, не несут специфической стилистической нагрузки, а просто представляют собой факты произношения, осуществляемого при нескольких измененных физиологических условиях, вызванных пением: это более «полный», более отчетливый стиль произношения. Такой «полный» стиль произношения возможен и в обычной разговорной речи, лишенной всякой образности⁵⁰.

Такому выводу несколько не противоречит наличие в фольклоре аллитераций, ассонансов и других видов звукописи. В этих случаях стилистическую функцию выполняют не звуки сами по себе, а их совпадение или повторяемость.

Иную функцию выполняют факты морфологии. Все специфически фольклорные черты грамматики несут на себе стилистическую нагрузку, они-то, вместе с лексикой и фразеологией, и формируют стиль песни, былины, сказки и т. д. в его отличии от разговорного языка. При изучении особенностей форм языка фольклора исследователь встречается с трудностями, возникающими, впрочем, и при исследовании других сторон языка фольклора (см. выше).

Одна и та же форма в одном говоре может быть распространена в бытовой речи, в другом — только в песенном языке. Поэтому говорить о специфически фольклорных морфологических явлениях в большинстве случаев можно только конкретно, в применении к данному говору. Хорошим примером могут служить сложные формы прилагательных типа *богатым*, *синим*. П. Н. Рыбников, описывая прилагательные в олонечном говоре, не указывает этих форм⁵¹, а в тексте записанных им былин они встречаются постоянно. Р. И. Аванесов указывает, что эти формы в описываемом им говоре встречаются только в песенном языке при определенных стилистических условиях — в конце стиха или музыкальной фразы⁵². Как о явлении языка, преимущественно песенного, говорит об этих формах

песенный язык в различных отношениях отличается от обыденной речи. Эти отличия представлены и в фонетике, и в формах, и в синтаксисе, и в словаре». Ср. также Р. И. Аванесов, Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле, «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, 1949, стр. 260.

⁵⁰ Иногда же вообще трудно бывает решить, почему в пении иная фонетика, чем в речи разговорной. Ср. замечание Н. Ончукова («Печорские былины», Спб., 1904): «Старины знает А. И. прекрасно, поет твердо и сильно акает при пении, между тем при разговоре аканья совсем незаметно, да и неоткуда ему быть» (стр. 312). Возможно, что в говоре этого сказителя представлено *о*, склонное к *а*, которое при пении утрачивает лабиализацию и расширяется в *а*.

⁵¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, стр. 344—346.

⁵² Р. И. Аванесов, цит. соч., стр. 250—251.

П. С. Кузнецов⁵³. С другой стороны, эти же формы в других говорах употребляются и в обычной речи⁵⁴. Поэтому квалифицировать прилагательные этого типа как характерные только для языка фольклора нельзя; вопрос этот решается для каждого говора (или группы говоров) отдельно.

В то же время некоторые черты языка песен можно квалифицировать как архаизмы, свойственные только фольклорному языку. Таково, например, употребление именных прилагательных в функции определения⁵⁵.

Большой интерес представляет вопрос об употреблении в языке фольклора глагольных времен и видов. В языке былин для изображения прошедшего события встречается сочетание сказуемого в форме глагола настоящего времени или будущего простого с глаголом-сказуемым в прошедшем времени; такой оборот придает речи большую экспрессивность:

Ай как старый-от казак да Илья Муромец⁵⁶;
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам⁵⁶.

Пошел Добрыня к заутрени
Прошел он церкву соборную
Зайдет ко Марине на широкой двор
У високова терема *послушает*⁵⁷.

По поводу таких оборотов А. А. Потебня писал: «Обозначение в известных случаях объективно-прошедшего события будущим совершенным, говоря вообще, свойственно нескольким славянским наречиям, но в разной мере и с разными оттенками. Той любви к такому обороту речи, какая бросается в глаза в языке русских былин, вовсе незаметно в русском литературном языке»⁵⁸.

Обычна в былинах свобода пользования видами, как след того языкового состояния, когда грамматическое значение вида еще не оформилось с достаточной четкостью. Часто вместо глагола совершенного вида употребляется глагол несовершенного вида, перфектной формы которого, видимо, вполне достаточно для обозначения законченного действия:

То Владимир князь-от стольнѣ-киевской,
Он скорешенько *ставал* да на резвы ножки,
Кунью шубоньку *накинул* на одно плечко...⁵⁹

Выскочил Василий на широкий двор,
Хватал-то Василий черенный вяз...⁶⁰

К области недифференцированного употребления видов относится также употребление рядом разнородных форм однокоренного глагола с общим значением длительного действия в плане прошлого⁶¹.

Под славным великим Новым городом
По славному озеру по Илменю
Плавает поплаывает сер селезень
Как бы ярой гоголь поныривает

⁵³ П. С. Кузнецов, Очерки морфологической системы пильмасозерского говора. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, 1949, стр. 107.

⁵⁴ А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, вып. I, Иркутск, 1921, стр. 238; С. А. Еремин, Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии, 1922, стр. 36; А. М. Селищев, О языке современной деревни, «Труды Московского института истории, философии и литературы», т. V, 1939, стр. 97.

⁵⁵ П. С. Кузнецов, цит. соч., стр. 109.

⁵⁶ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, изд. 3-е, 1938, стр. 13.

⁵⁷ Сборник Кирши Данилова, стр. 28.

⁵⁸ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, 1941, стр. 108.

⁵⁹ А. Ф. Гильфердинг, цит. соч., стр. 17.

⁶⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, 1910, стр. 467.

⁶¹ Ср. П. С. Кузнецов, цит. соч., стр. 121.

*А плавает поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буславевича*⁶².

В соответствии с общим характером языка фольклора, в нем дольше удерживаются формы, которые в литературном языке и в говорах идут на убыль. Таковы, например, формы давнопрошедшего времени, которые в русском литературном языке начинают вымирать в конце XIX — начале XX в., сохраняясь лишь в узком кругу глаголов⁶³. Убывание форм давнопрошедшего времени отмечается также и в некоторых говорах⁶⁴.

В фольклоре эти формы широко распространены. Правда, записи фольклора, по которым можно сделать такое наблюдение, относятся главным образом к XIX в., когда формы давнопрошедшего времени употреблялись шире; однако несомненно, что фольклор в отношении употребления этих форм ближе стоит к старинному языку, чем литературный язык или диалект.

Исключительное богатство этих форм зафиксировано в духовном стихе о грешной душе⁶⁵:

Грешная душа кается:

Из коровушек молоки я *выкликивала*,
Во сырое коренье я *выдаивала*...
Смалешеньку дитя свое *проклинывала*,
Во белых во грудях его *засыпывала*,
В утробы младенца *запарчивала*...
Мужа с женой я *поразвасивала*,
Золотые венцы *поразлучивала*...
По улицам душа много *хаживала*,
По подбóконью душа много *слушивала*...
Среды и пятницы не *пащивалась*
Великого говленья не *гавливалась*,
Заутрени, вечерни *просыпывала* я,
В воскресный день обедни *прогуливала*,
В полюшках душа много *хаживала*,
Не по-праведну землю *розделивала*:
Я межу через межу *перекладывала*,
С чужой нивы земли *украдивала*...
Не по-праведну покосы *розделивала*,
Вешку за вешку *позатаркивала*,
Чужую полосу *позакашивала*...
В соломах я заломы *заламывала*,
Со всякого хлеба спор *отнимывала*...
Я во полях, душа, много *хаживала*,
Проворы во полях *пораскладывала*,
Скотину в поле *понапущивала*,
И добрых людей *оголаживала*...
По свадьбам душа много *хаживала*,
Свадьбы зверьями *оборачивала*...
По игрищам душа много *хаживала*,
Под всякие игры много *плясывала*,
Самого сотону *вспотешивала*⁶⁶.

Таков далеко не полный обзор фактов морфологии, преимущественно свойственных языку фольклора.

⁶² Сборник Кириши Данилова, стр. 69.

⁶³ См. В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 545—549.

⁶⁴ См. А. М. Селищев, Цит. соч., стр. 98.

⁶⁵ Духовные стихи занимают особое место в устной народной поэзии. Их тематика, идейное содержание, в значительной мере и язык, определяются средневековой религиозной литературой. Они никогда не играли большой роли в устном народном творчестве и никогда не выражали чаяний и ожиданий народных. Однако духовные стихи долго бытовали в народной среде, поэтому в языке некоторых из них почти стерты следы книжного влияния.

⁶⁶ В. Варенцов, Сборник русских духовных стихов, СПб., 1860, стр. 144, и след.

Выше уже отмечалось, что язык лирических песен имеет в своем распоряжении большой фонд суффиксов субъективной оценки, которыми он пользуется гораздо шире, чем язык разговорный. К этому можно добавить несколько замечаний о функции именной приставки *раз-*, употребление которой в языке лирических песен имеет ряд специфических, «песенных» особенностей.

Первичное значение этой приставки не имеет никакого отношения к экспрессии, она лишь усиливает то экспрессивное значение, которое заключается либо в корне, либо привносится суффиксом. Такое употребление ассоциируется со значением экспрессии, и приставка *раз-* получает вторичный эмоциональный оттенок, правда, достаточно неопределенный.

Образования с приставкой *раз-* могут заменить собой превосходную степень прилагательных, но это замена особого рода: приставка *раз-* показывает только усиление эмоциональной оценки. В тех случаях, когда определение по своему значению эмоционально (например, *милый, любезный, постылый* и т. д.), усиление меры качества есть вместе с тем и усиление меры эмоции, поэтому в этих случаях значение образований с приставкой *раз-* и значение форм превосходной степени совпадают: образования с приставкой *раз-* вполне синонимичны формам превосходной степени: *Разжеселанный* ты мой, братец Ванюшка⁶⁷; *Уж* ты Маша *раскрасива*...⁶⁸, Ты *ночуй, ночуй, разлюбезный*, Ночуй *ночку* у mine⁶⁹. То же самое при отрицательной эмоции: *Распроклятая* наша жизнь замужняя, *Разлюбезная* наша жизнь девичья⁷⁰.

Значение прилагательного, присоединяющего приставку *раз-*, может и не иметь ярко выраженного эмоционального оттенка. Такое прилагательное часто обозначает просто качество (*зеленый, алый, сизый*), но эти качества в народной песне имеют эмоциональный оттенок, чаще всего положительный. Таково, например, большинство постоянных эпитетов. Здесь приходится учитывать условность поэтического языка песни, выбирающего в качестве положительных именно эти признаки, а не другие⁷¹. Но раз такой отбор сделан, то в этих прилагательных усиление меры их качества становится вместе с тем усилением эмоции: Ой, ты, груша моя, *раскудрявая*⁷²; Ты дубрава, ты дубрава *раззеленая*⁷³; Как все утушки хороши... *Раскасатые* пригожи⁷⁴.

Такое совпадение усилительного значения приставки с усилением эмоциональности приводит к тому, что приставка *раз-* сама по себе получает вторичное эмоциональное значение. Поэтому в языке народной песни вполне допустимы образования типа *расшелковый, рассахарный* и под., т. е. от прилагательных относительных. Приставка *раз-* в таких случаях усиливает меру эмоциональной окраски значения: *Раздонской* казак да коня поил⁷⁵; Косил Ванюшка *расшелковую* мелку траву, Изломал Ваня *разбулатную* востру косу⁷⁶; Да что уста твои *рассахарны*...⁷⁷.

⁶⁷ «Волжский фольклор», М., 1937, № 43.

⁶⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, вып. II, ч. 2, М. 1929, № 1986.

⁶⁹ Там же, № 1816.

⁷⁰ Там же, № 1803.

⁷¹ Условность эта тоже объяснима. Например, *зеленый* в применении к растению значит «в полном расцвете, силе», отсюда и положительная эмоция; *кудрявый* связано с понятием молодости, следовательно, и красоты, и т. д.

⁷² Курский сборник..., ч. II, № 9.

⁷³ «Фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1940, № 162.

⁷⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским..., в. I, № 551.

⁷⁵ А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, I, № 109.

⁷⁶ Там же, III, № 509.

⁷⁷ Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, № 542.

Рассмотренное значение приставки *раз-* особенно наглядно выступает в случаях соединения ее с именем существительным; такое употребление, как кажется, свойственно только языку устной поэзии, в частности, языку песен.

Существительные «в превосходной степени» обычно встречаются при общем значении положительного качества: Еще девица садочком шла, *Раскрасавица* зелененьким⁷⁸.

Как и в прилагательных, значение приставки *раз-* как показателя высшей степени меры эмоциональности особенно заметно в тех случаях, когда значение существительного само по себе лишено какого-либо эмоционального оттенка. Но здесь резкой грани между теми и другими провести нельзя, потому что в таком эмоциональном контексте, как народная лирическая песня, существительные получают множество самых разнообразных и часто неуловимых оттенков. В случаях положительной эмоциональной оценки приставка подддержана суффиксом с соответствующим значением: Спой, *рассоловушка*, в рощице весной⁷⁹; Как привидилось *расказаченьке* Да нерадостный сон⁸⁰.

Образования существительных с приставкой *раз-* не связаны с большей качественностью существительных в древнерусском языке, с древнейшей близостью существительных и прилагательных; поэтому их нельзя рассматривать как сохранившиеся факты прежнего языкового состояния, каким, например, является существительное-атрибут (*тур золотые рога, подворотина рыбий зуб* и под.) или существительное-предикат (*она щей варей, хлеба печей, по воду хожайка*). Приставка *раз-* лишь усиливает эмоциональную окраску, заключающуюся в корне или привносимую суффиксом. Это усиление в некоторых случаях производит впечатление чрезмерности, эмоциональность переходит в сентиментальность, совсем не свойственную традиционной народной песне. Как кажется, образования с приставкой *раз-* не встречаются в свадебных песнях и других более архаичных жанрах.

Образования с приставкой *раз-* — яркий пример того, что язык фольклора обладает своими специфическими особенностями, что он жанрово ограничен; некоторые факты языка общенародного бытуют почти исключительно в языке фольклора.

*

Все сказанное выше лишь в общих чертах рисует своеобразие языка фольклора. При конкретном анализе необходимо прежде всего разграничить стихотворные жанры и прозаические. Специфика языка фольклора особенно отчетливо проступает в стихотворных жанрах, которые в значительно большей степени оформлены по правилам традиционной поэтики. Но и язык прозаических жанров (например, фантастической сказки) характеризуется в основном теми же чертами, что и язык жанров стихотворных; однако прозаические жанры гораздо более свободно пользуются разговорным языком.

Индивидуализированное использование общенародного языка, подчиненное определенному художественному замыслу, создает то, что называют стилем писателя. В фольклоре же говорить об авторском стиле нельзя. Основное отличие — не в отсутствии автора, а в том, что в фольклоре стилевые отличия расположены совсем в другом измерении; они идут по линии жанра, и эта жанровая дифференциация целиком поглощает авторскую, которую в применении к фольклору надо понимать своеобразно:

⁷⁸ А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, IV, № 198.

⁷⁹ «Фольклор Чкаловской области», № 128.

⁸⁰ П. В. Шейн, Великорус..., № 909

каждый исполнитель есть в одно и то же время и передатчик и автор, но автор, творящий в рамках традиции.

Особенно наглядно это проявляется в советском фольклоре, в котором новое содержание часто в значительной степени оформляется традиционными средствами фольклорной поэтики.

Однако было бы неверно думать, что советский фольклор отличается от традиционного только содержанием, сохраняя общность языковых особенностей и поэтики. Советский фольклор — качественно новый этап в развитии народной поэзии, порожденный социалистической эпохой, качественно новое явление поэтической культуры народа⁸¹.

Возникновение советского фольклора и бурное развитие некоторых его жанров ставит проблему бытования его в новых, советских условиях, а также проблему взаимоотношения его с художественной литературой. Характерной чертой всех жанров советского фольклора является широкое использование письменной литературы как по линии сюжетов, так и по линии овладения литературным языком и поэтикой. Это влечет за собой движение языка фольклора в сторону сближения его с языком письменной литературы, аналогично тенденции развития диалектов в сторону слияния с литературным языком. Вполне понятно, что и устные художественные произведения, вновь создаваемые на местных диалектах, испытывают огромное влияние литературного языка. Такая тенденция обогащения всегда была присуща произведениям устной поэзии; она в значительной степени способствовала созданию высокого стиля фольклора. В наше время эта тенденция стала определяющей в развитии языка фольклора.

Влияние литературного языка на разные жанры фольклора неодинаково. Чрезвычайно широко пользуется общелитературным языком такой подвижной жанр, как частушка. Огромное количество «литературных» частушек, проникших в колхозную деревню самыми разнообразными путями, так органически сливается с местным репертуаром, что практически бывает невозможно отделить одно от другого.

Большое влияние на язык фольклора оказывает изменение песенного репертуара колхозной деревни, который характеризуется сейчас широким распространением песен советских композиторов на слова советских поэтов. Эти песни входят в местный репертуар наряду с традиционными и нередко занимают ведущее место. В репертуаре пожилых колхозниц советская массовая песня тоже занимает видное место, хотя, конечно, не такое значительное, как в репертуаре молодежи. Такой репертуар, естественно, способствует сближению языка советского фольклора с общелитературным⁸².

Аналогичные явления наблюдаются и в бытовании других жанров, например, былин, с той разницей, что сближение языка былин с литературным языком происходит более медленными темпами. Это сближение в значительной степени определяется книгой⁸³.

Советский фольклор с его новой, советской тематикой, естественно, очень близок по языку к художественной литературе: самый генезис его в большинстве случаев связан с этой литературой. Бытование советского фольклора рядом с фольклором традиционным оказывает на последний огромное влияние, которое сказывается и в языке: язык не только советского фольклора, но и традиционного развивается и обогащается в значительной мере уже за счет языка литературного.

⁸¹ Ср. А. М. Астахова, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 6, стр. 538.

⁸² Ср. В. Ю. Крупицкая и Л. А. Старцева, Фольклор колхозной станицы, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 80—82.

⁸³ Ср. А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, 1948, стр. 389—390.